

М. М. Сафонов

Спецслужбы и отречение Николая II

Вопрос о том, какую роль сыграли спецслужбы в истории отречения последнего российского самодержца Николая II, т.е. в событии, знаменовавшем собою начало процесса гибели монархии в России, не нашел никакого освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, даже не ставился никем из исследователей. А между тем спецслужбы, оставаясь почти незаметными для исследовательского глаза, сыграли существенную, хотя и не определяющую роль в этом процессе. Речь идет о канале информации, собранной профессиональными контрразведчиками, поступавшей в Ставку верховного главнокомандующего в Могилёве, оказавшуюся в период 27 февраля — 3 марта 1917 г. в информационной блокаде. В первые дни февральской революции за право возглавить страну при недееспособном монархе боролись два человека: председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев¹. Наштаверх предложил царю объединить всю власть в руках одного полномочного лица — верховного министра государственной обороны, наделенного абсолютным доверием монарха и пользующегося всей полнотой чрезвычайной власти с правом объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных учреждений и общественных организаций, находящихся вне предела театра военных действий. Его повеления должны исполняться всеми без изъятия правительственными местами и общественными учреждениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением как высочайшие повеления. Министр государственной обороны подчинялся бы только императору и нес ответственность только перед ним. Никто не мог бы давать ему приказаний и требовать отчета².

Алексеев не считал Николая II способным осуществить объединение всех отраслей государственного управления в тылу; на фронте при номинальном верховенстве царя руководство вооруженными силами и военными действиями фактически осуществлял сам наштаверх. Его предложения сводились к тому, чтобы и в тылу существовала такая же иерархия властей, причем роль министра государственной обороны он предназначал себе³. Реализация проекта позволила бы соединить тыл и фронт в одних руках. Идее верховного министра с сверхвластью Родзянко пробовал противопоставить идею ответственного министерства. О непримиримости позиций этих двух претендентов на руководящую роль в стране ярко свидетельствует письмо, которое Родзянко уже после отречения царя направил во Временный комитет Государственной Думы 18 марта 1917 г., когда узнал о назначении наштаверха Верховным главнокомандующим. По словам председателя, категорически возражавшего против этого назначения, Алексеев «постоянно являлся противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла как неотложные». Родзянко призывал членов ВКГД дать себе отчет в том, что наштаверх «всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия». Родзянко предлагал коллегам вспомнить «обвинение генерала Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является русский народ в лице своих народных представителей». «Не забудьте, что генерал Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры»⁴. Возражения Родзянко, убедившие членов ВКГД, не помешали Алексееву стать Верховным главнокомандующим, но данная ему Родзянко характеристика, далеко не беспристрастная и во многом продиктованная неудовлетворенными честолюбивыми устремлениями, свидетельствовала о том, что и Родзянко, и Алексеев были представителями разных политических полюсов, равнодействующая которых вылилась в отречение Николая II, положившее начало краху Российской империи. В этом противостоянии спецслужбы сыграли свою немаловажную роль.

Для нейтрализации Алексеева Родзянко прервал телеграфную связь Петрограда со Ставкой, перекрыл телефонное сообщение Могилёва с Царским Селом, где находилась царская семья. Всеми доступными ему средствами председатель старался пресечь поступление достоверной информации к наштаверху. Однако достичь этого в полной мере ему не удалось. Дело в том, что в борьбе наштаверха и председателя Госдумы за право возглавить руководство страны был еще один участник, также претендовавший на то, чтобы встать во главе Совета министров — морской министр адмирал И. К. Григорович⁵. В ходе этой борьбы адмирал всё время оставался в тени, но роль, им сыгранная, и историками отречения еще не распознанная, оказалась весьма значительной.

Еще 24 июня 1916 г. Родзянко, пугая царя идеей Алексеева, противопоставил ей предложение даровать государству ответственное министерство во главе с Григоровичем⁶. 10 ноября 1916 г. морской министр чуть было не стал премьером, но вмешательство императрицы сорвало это назначение⁷. Когда в первые дни революции шла охота на царских министров, Григоровича не тронули. Он не только не был арестован, но его фамилия даже фигурировала в списке кандидатов в члены Временного правительства, имевшем хождение в столице в последние дни февраля⁸. В ночь образования ВКГД, когда ситуация была еще двусмысленной, минмор заболел «инфлюенцией» и слег с высокой температурой. Но уже на следующий день он проявил себя. 28 февраля в полдень последние войска, остававшиеся верными правительству, по требованию Григоровича во избежание разрушения здания и для того, чтобы не были истреблены драгоценные документы Морского штаба и кораблестроения, покинули Адмиралтейство. Более того, чтобы восставшие не отобрали у них оружие, они оставили его в Адмиралтействе. Таким образом, Григорович не только бескровно обезвредил последний редут верных правительству войск, но и обезоружил их⁹. По-видимому, мысль подняться на политический олимп не оставляла морского министра и после ноябрьского фиаско.

Обычно исследователи Февральской революции рассуждают о том, какую роль в решении императора отказаться от власти сыграла позиция главнокомандующих фронтов, единодушно высказавшихся за отречение царя. От историков совершенно ускользнула роль Балтийского флота в процессе отречения Николая II, прежде всего роль командующего флотом Балтийского моря вице-адмирала А. И. Непенина. На эту ответственную должность он был выдвинут Григоровичем¹⁰ и в февральско-мартовские дни 1917 г. действовал в согласии с ним, готовясь стать и чуть было не став товарищем морского министра¹¹.

Одним из первых среди главкомов и командующих флотами 2 марта в 10 ч. 30 м. Непенин признал ВКГД, действовал он с благословения минмора¹². Непенин даже пытался стимулировать поддержку новой власти, подробно информируя Балтийский флот о ее первых шагах и давая им положительную оценку¹³. Сотрудники Морского главного штаба подчинялись Григоровичу. Невозможно допустить, чтобы они действовали вопреки воле минмора. Поставляемая ими информация была ангажированной. А. П. Капнист с согласия Григоровича ездил в Думу и встречался с Родзянко. Речь шла об установлении единства действий¹⁴. Алексей же оказался заложником той информации, которая поступала из Думы через Адмиралтейство в Могилёв.

До того, как Григорович выдвинул не имевшего опыта командования крупными морскими соединениями Непенина на должность командующего флотом, тот возглавлял службу связи флота Балтийского флота и на этом поприще, руководя операциями контрразведки, проявил себя как блестящий специалист¹⁵. Служба связи, укомплектованная профессиональными контрразведчиками, сыграла важнейшую роль в процессе отречения последнего царя. Основным

каналом связи Ставки в Могилеве стал Морской генеральный штаб Морского министерства (МГШ), сохранивший прямую телеграфную связь с Морским штабом Ставки верховного главнокомандующего (МШВГ). Кроме того, Балтийский флот пользовался радиосвязью, а МШВГ имел собственную радиостанцию¹⁶. Возглавлял морской штаб Ставки адмирал А. И. Русин, помощник Григоровича. Одновременно он являлся начальником МГШ. Правой рукой Русина был помощник начальника МГШ и офицер для поручений при начальнике МШВГ капитан 1-го ранга А. П. Капнист. Помогали Непенину в те дни помощник флаг-капитана по Оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря капитан 1-го ранга М. Б. Черкасский и начальник разведывательного отделения капитан 2-го ранга И. И. Ренгартен, основатель службы разведки Балтийского флота. Немаловажную роль играл начальник военноморского управления при главнокомандующем Северного фронта Н. В. Рузского, капитан 1-го ранга В. М. Альфатер.

МГШ оказался единственным военным учреждением, сохранившим в последние дни февраля телеграфную связь. Он имел прямой провод со штабом флота Балтийского моря в Гельсингфорсе и со Ставкой в Могилёве¹⁷. Кроме того, МГШ располагал радиосвязью, станции которой были в Ревеле, Гельсингфорсе, в Кронштадте. Еще до начала февральской революции Непенин предусматривал «в тревожных случаях способ сношений радиотелеграфом морским ключом»¹⁸. Радиосвязь была и в МШ Ставки в Могилеве¹⁹. МГШ сумел организовать службу связи в Таврическом дворце. Она была укомплектована профессиональными морскими контрразведчиками. Дежурившие в цитадели революции офицеры, согласно инструкции, «по печатным известиям и осведомлениям из Думы» должны были ежедневно составлять «листки для осведомления флота». Они передавались капитану 1-го ранга В. Е. Егорьеву, прикомандированному к МГШ и занимавшему должность начальника статистического (иностранного) отделения. Сбором информации занимался начальник морской регистрационной службы капитан 2-го ранга В. А. Виноградов. По-видимому, службу связи возглавлял начальник особого делопроизводства МГШ капитан 1-го ранга М. И. Дунин-Барковский²⁰. «Листки для осведомления флота» пока не обнаружены, но следы оперативной работы контрразведчиков в помещении Государственной Думы хорошо видны в записях разговоров МГШ и Ставки по прямому проводу. Характерно, что сотрудники МГШ старались не афишировать своих имен. Записи разговоров по прямому проводу с Морским штабом Ставки часто не содержали сведений о том, кто именно из офицеров вел переговоры с А. И. Русиним, через которого Алексеев получал львиную долю информации из Петрограда. Но эта информация, большей частью анонимная, отвечала устремлениям Григоровича и во многом предопределила действия Алексева, которые в конечном итоге привели к отречению Николая II.

25 февраля 1917 г. Совет министров принял решение: для выхода из создавшейся ситуации начать переговоры с председателем Думы и представителями

фракций. 26 февраля на переговорах, имевших место днем, последние высказались за то, чтобы прервать заседания Думы на 3 дня, распустить правительство и поручить М. В. Алексееву составить «министерство доверия». Вечером Совет министров проголосовал за роспуск Думы. Относительно же кабинета министры решили просить царя о назначении правительства во главе «с лицом, заслуживающим общего доверия». Министры почти единодушно считали необходимым «установить диктатуру, которую следовало бы вверить генералу, пользующемуся некоторым престижем в глазах армии». Такогого они видели в М. В. Алексееве²¹.

Думается, что предлагать Алексеева на этот пост без предварительной уверенности, что он его примет, ни думцы, ни министры не могли. Следовательно, они были уверены, что наштаверх возражать не станет. Такова была репутация Алексеева, когда революция только началась. Сами же министры нашли целесообразным уйти в отставку²². Но решить этот вопрос мог только царь. Однако еще до того, как они доложили свое решение царю, Родзянко вопреки своим намерениям ускорил решение императора.

25 февраля днем, встретившись с Н. Д. Голицыным, Родзянко дружески уговаривал его подать в отставку, но премьер предложил ему устроить совещание с представителями Думы. Думцы во главе «кабинета доверия» предложили поставить не председателя Думы, а наштаверха. Такой же позиции придерживался Совет министров и сам премьер вечером 26 февраля. Было решено Думу распустить, а вопрос относительно отставки правительства и кабинета «доверия» должен был решить сам Николай, прибытия которого из Ставки в Петроград ожидали в ближайшее время. Накануне отъезда из Могилёва 27 февраля Николай высказался в пользу идеи верховного министра со сверхвластью. «Алексеев полагает, — сообщал император супруге в этот день, — что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т.д. Это, конечно, совершенно справедливо»²³. Но назначить им Алексеева Николай опасался. Поэтому выбор пал на преданного царской семье генерала Н. И. Иванова. Царь решил отправить его с батальоном георгиевских кавалеров и восемью полками, снятыми с фронта, подавлять мятеж в Петрограде.

В бумагах Иванова впоследствии, когда он был арестован Временным правительством, был обнаружен проект манифеста без даты и подписи, которым учреждалась должность верховного министра государственной обороны, объявлялось о создании Совета министров, составленном на основании собранного председателем Государственной Думы совещания руководителей думских партий списка лиц, пользующихся доверием общества, провозглашалась амнистия. Иванов объяснил это так. Документ это был составлен летом 1916 г. Он был получен от начальника канцелярии артиллерийского управления при Ставке генерала Е. З. Барсукова и случайно включен в переписку, возникшую в ходе поездки, А. А. Лодыженским, откомандированным

в распоряжение Н. И. Иванова для содействия ему в области гражданского управления²⁴. На самом же деле проект манифеста в бумагах Иванова свидетельствует о том, что, отправляя генерала в Петроград, царь намеревался осуществить идеи записки Алексеева об учреждении должности Верховного министра государственной обороны, но придав им «безопасный» для своей власти характер. В этом документе власть министра государственной обороны должна была быть уравновешена ответственным министерством, чтобы она не могла стать в полном смысле верховной. Ибо сотрудников на пути объединения правительственной деятельности должно было подобрать руководимое председателем Думы совещание, а назначать по рекомендации совещания — сам царь. Права же и обязанности верховного министра точно определены не были. За кадром оставалось, кто же будет назначать председателя Совета министров, будет ли он подчинен верховному министру или тем и другим станет одно лицо²⁵.

Вечером 27 февраля обер-гофмаршал П. К. Бенкендорф сообщил из Царского Села, что императрица вместе с больными детьми собирается выехать навстречу Николаю. Бенкендорф передал, что, по сведениям, полученным от военного министра М. А. Беляева, революционная толпа собирается двинуться из Петрограда на Царское Село. Дворцовый комендант В. Н. Воейков тут же связался с Беляевым и узнал от него, что эти сведения распространяются самим Родзянко²⁶. Николай велел передать семье, чтобы она оставалась на месте. Хотя царь первоначально собирался выехать завтра днем, обстановка в Царском Селе, где императорской семье уже угрожала непосредственная опасность, заставила его ускорить свой отъезд и расширить полномочия отправляемого в столицу Иванова.

Алексеев не хотел, чтобы царь уезжал из Ставки. Поскольку связь пока находилась в руках наштаверха, здесь он мог контролировать все действия императора. Находясь рядом с ним, Алексеев имел возможность оказывать определенное воздействие на царя. Наконец, пребывание в Ставке изолировало царя от влияния Александры Федоровны. Вернувшись в Царское Село, Николай снова подпадал под влияние супруги, которое наштаверх считал пагубным. Для осуществления плана Алексеева ему было необходимо, чтобы царь оставался в Могилёве, под его зорким наблюдением.

Если верить дочери Алексеева, он буквально на коленях умолял царя не уезжать из Ставки²⁷. Но она не была свидетельницей этой сцены. Правда, в воспоминаниях В. Н. Воейкова есть упоминание о том, что Алексеев был очень раздосадован тем, что Николай решил уехать из Ставки. В 3 ч. ночи 28 февраля, уже находясь в поезде, царь решил наделить Иванова чрезвычайными полномочиями. Иванов особой запиской известил Алексеева, что Николай дал словесное повеление всем министрам беспрекословно исполнять его приказания и найти средства довести это до сведения председателя Совета министров²⁸. От этого был только один шаг, чтобы назначить Иванова диктатором, а это

не входило в планы Алексеева. В 11:10 наштаверх передал Беляеву, чтобы он сообщил устное распоряжение царя Голицыну²⁹. Но военный министр в 11:32 отговорился тем, что «нормальное течение жизни государственных установлений и министерств прекратилось»³⁰.

28 февраля в 5 ч. утра, как только литерный поезд с Николаем II двинулся в путь на Петроград, наштаверх, согласно «Положению о Полевом управлении Войск», стал исполнять обязанности главнокомандующего. В полночь с 27 на 28 февраля в Таврическом дворце под председательством Родзянко образовался Временный комитет Государственной Думы. В 2 часа ночи, за 10 минут до того, как Николай принял в своем поезде Иванова³¹, ВКГД выпустил два воззвания: к населению и к армии³². В них сообщалось, что Временный комитет членов Государственной Думы в условиях «внутренней разрухи», которая была вызвана «мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Новообразованный временный орган выражал уверенность в том, что население и армия помогут ему решить сложную задачу «создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием». При этом население призывалось сохранять государственное имущество, не посягать на жизнь и не проливать кровь.

Другими словами, руководимые Родзянко члены Думы провозгласили своей задачей создание новой власти взамен старой, которой население страны не доверяло, и при этом они рассчитывали на содействие армии и населения. Воззвания ВКГД были распространены по всей России посредством телеграфа, оказавшегося в руках новой власти. В тех же руках оказался и железнодорожный транспорт. 28 февраля в 13:50 А. А. Бубликов, назначенный ВКГД «принять меры, чтобы железнодорожное движение не нарушалось», разослал телеграмму железнодорожникам с обращением Родзянко. В нем говорилось, что «старая власть» оказалась бессильной. Она только создала разруху во всех областях государственной жизни». ВКГД взял в свои руки «оборудование <sic!> новой жизни» и призывает железнодорожников поддерживать непрерывное движение поездов «с удвоенной энергией»³³.

Все эти воззвания «кружным путем»³⁴ дошли до Ставки, хотя официально о переходе власти в руки ВКГД Родзянко телеграммой уведомил наштаверха, главкомов и командующих флотов только 1 марта в 5:51, временно восстановив связь с Могилёвом³⁵. О том, что в Думе образован «комитет водворения порядка в столице и для сношения с учреждениями и лицами»³⁶, Алексей знал уже 28 февраля в 0:35, т.е. спустя чуть более получаса после образования ВКГД, когда царский поезд еще находился на перроне могилёвского вокзала. Капнист уведомил об этом Русина, когда наштаверх готовил карательный поход генерала Иванова на мятежный Петроград³⁷. В 0:55 Алексей был принят Николаем в царском поезде³⁸, но доложил ли он о сведениях, полученных от Русина, осталось неизвестным.

В 13:10 Алексеев начал рассылку телеграмм главнокомандующим фронтами с подробным изложением событий в Петрограде. Он сообщил, что, по частным сведениям, «в Государственной Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы от рабочих и мятежных войск». При этом он добавил, что на всех «лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов»³⁹. То есть правительство наштаверх охарактеризовал как «революционное», а примкнувшие к нему войска назвал «мятежными». Очевидно, такая оценка сложилась у Алексева на основе собственного анализа воззваний ВКГД, которые он определил как манифесты.

Сами по себе лозунги вновь образованного временного органа: преодолеть «разруху», восстановить государственный и общественный порядок, создать при участии армии новое, пользующееся доверием населения правительство, не могли не отвечать далеко идущим планам наштаверха. Но вопрос заключался лишь в том, насколько провозглашенные ВКГД лозунги соответствовали тем задачам, которые этот временный орган ставил перед собой в действительности. Для верного ответа на это вопрос Могилёву необходима была экспертная оценка компетентных лиц, находившихся в самом центре событий, разворачивающихся в Петрограде. Она была дана МГШ.

28 февраля в 18 ч. Русин в результате разговора по прямому проводу с МГШ (с кем именно он говорил, в записи разговора не обозначено) узнал следующее: «Обстановка теперь такова: Дума делает попытки собрать войска в казармы и подчинить их офицерам, но для этого ей необходимо опереться на какой-либо правительственный акт, который послужил бы началом успокоения. Таким актом должно быть прежде всего назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства, коему предоставить составить кабинет. Всякое промедление крайне опасно, потому что, с одной стороны, войска перепьются и исхулиганются (sic! — М.С.), а, во-вторых, может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранил Думу. Правительственных войск больше нет, гарнизоны пригородных мест почти все примкнули к мятежникам. Про гарнизон Царского Села я не знаю. Едва ли, впрочем, какие-либо войска удержатся на стороне теперешнего правительства»⁴⁰.

Вечером 28 февраля, ночью и днем 1 марта наштаверх продолжал получать сведения из МГШ. Неназванный источник из Адмиралтейства без обозначения точного времени отправки⁴¹ сообщил Русину: «Думе удалось собрать под свою власть довольно большое число войск, количество коих растет. По городу ставятся караулы и патрули, порядок понемногу восстанавливается. Необходимы, однако, решительные акты власти для удовлетворения требований общественного мнения, иначе всё может рушиться, так как растет пропаганда социал-революционеров»⁴².

Наштаверх не являлся сторонником социалистических учений и никак не был заинтересован в победе левого течения. Но поскольку оно существовало и даже, согласно донесениям МГШ, угрожало взять верх на ВКГД, Алексеев во имя спасения монархии должен был действовать в пользу Временного комитета, который, как полагал дезинформированный Адмиралтейством наштаверх, не выходил за рамки официально провозглашенных целей возглавляемого председателем нового органа.

Главный посыл МГШ — назначение правительственным актом уважаемого всей страной человека главой правительства как основное средство предотвратить углубление революции — не мог не импонировать наштаверху с его стремлением реализовать свою идею верховного министра государственной обороны со «сверхвластью». Поэтому он принял эту идею МГШ как руководство к действию, несмотря на то что в формулировке «назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства» прозрачно проглядывало лицо минмора, координирующего свои действия с председателем.

1 марта в 1:15, после получения информации из МГШ Алексеев отправил в Царское Село составленную накануне телеграмму Н. И. Иванову: «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство, под председательством Родзянки, заседающая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему всё изложенное и просьбу принять это пожелание народа»⁴³.

Очевидно, наштаверх стоял на той точке зрения, что поступившим в Ставку «частным сведениям» можно доверять. Свидетельство, что намерения новой власти именно таковы, Алексеев видел в воззвании А. А. Бубликова «к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт». По мнению наштаверха, это давало основание переменить образ действий и избежать «позорной междоусобицы». Такая точка зрения должна была быть доложена царю. То есть устами Иванова наштаверх хотел убедить монарха отказаться от карательной экспедиции и лишить возглавившего ее генерала возможности получить диктаторские полномочия.

Очевидно, Алексеев стремился реализовать свою излюбленную идею и для этого сильно сгустил краски. И «наступившие полное спокойствие» и «незыблемость монархического начала» и нетерпение, с которым Петрограде ждут приезда царя, всё это — «вольная интерпретация» наштаверхом сообщений МГШ. Особенно если учесть, что уже днем 1 марта Алексеев узнал: распоряжением новой власти царский поезд не пропускают в Петроград. В этом контексте вчерашняя фраза о «нетерпении», с которым ждут приезда царя, выглядела более чем саркастично.

1 марта в 5:51 утра Алексеев получил официальное сообщение о том, что «ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров власть перешла» к ВКГД⁴⁴. Вместе с тем ему и всем главнокомандующим было послано особое обращение к армии и флоту. В нем содержался призыв «сохранить полное спокойствие и тишину». ВКГД заверял, что борьба против «нынешнего врага» будет продолжена. Армия же и флот должны «продолжить дело защиты своей Родины». Давались заверения, что ВКГД при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения водворит спокойствие в тылу и восстановит «правильную деятельность» государственных учреждений. Воззвание завершалось призывом к каждому офицеру, солдату и матросу исполнять свой долг и помнить: дисциплина и порядок — лучший залог скорейшего преодоления разрухи, вызванной старым правительством, и создания новой правительственной власти.

Наштаверх не мог не заметить, как изменился тон обращения ВКГД с вооруженными силами за сутки, протекшие с момента его образования. Если поначалу Временный комитет говорил о помощи армии в создании нового правительства, то теперь ее, равно как и флот, призывали не вмешиваться в этот процесс и отойти в сторону. Именно так в Ставке и восприняли это послание Родзянко. По мнению Алексеева, смысл послания Родзянко заключался в том, чтобы «армия не впутывалась в это дело»⁴⁵. Еще 28 февраля, после того как правительственно перестало существовать, а Министерство путей сообщения оказалось не в состоянии влиять на деятельность транспорта, наштаверх попытался взять руководство железными дорогами в свои руки, но уже на следующий день отказался от этой идеи ввиду технической невозможности ее осуществить⁴⁶. При этом 1 марта Алексеев стал свидетелем того, как ВКГД через комиссара А. А. Бубликова манипулировала железнодорожным движением, не допуская царский поезд в столицу. Всё это побудило наштаверха подготовить резкий ответ председателю: «Высшие военные чины и армия в массе свято исполняют долг перед царем и родиной согласно присяге и будут продолжать борьбу с врагом до полной победы. Но для этого необходимо оградить армию от вмешательства постороннего влияния, чуждого и недопустимого по нашей военной организации и принесенной присяге. Между тем ваши телеграммы ко мне и к главнокомандующим, а также распоряжения, отдаваемые по железным дорогам театра военных действий, показывают, что Временный комитет Государственной Думы не считает с тем, что является азбучным в управлении военными силами, и своими распоряжениями не способствует внесению успокоения, а скорей может привести к непоправимым последствиям и нарушениям дисциплины, без поддержания которой победа немислима. Перерыв связи между ставкой и Царским Селом и центральными органами военного управления вносит полное расстройство в военное управление и довольствие армии и грозит страшными бедами. По полученным сведениям, литерные поезда не пропускаются на Дно и дальше. Последняя мера, если действительно

хотят успокоения и продолжения борьбы с врагом, совершенно недопустима. Прошу срочного распоряжения о безотлагательном пропуске литерных поездов, о восстановлении непосредственной связи Ставки с центральными органами военного министерства и о том, чтобы никто и никаких сношений с чинами действующей армии и управлениями, подведомственными верховному главнокомандованию на театре военных действий, помимо Ставки не делал и сношение Ставки с центральными управлениями не контролировалось вашими агентами, сплошь и рядом назначенными из младших чинов, мало понимающих сущность военной дисциплины. При наличии такого контроля я вынужден буду прекратить все сношения с центральными управлениями, но это может повести к нарушению и без того плохо налаженного продовольствия армии. Предоставляю вам судить о последствиях голодания армии»⁴⁷.

1 марта в 20:45 наштаверх начал рассылку этой телеграммы главноком. Очевидно, Алексееву уже тогда стало ясно, что оставлять власть в руках Родзянко и возглавляемого им ВКГД было ни в коем случае нельзя. Но еще раньше он решил обратиться телеграммой прямо к Николаю в Царское Село. Повторяя информацию МГШ, Алексеев убеждал самодержца в том, что, если от него «не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции». Он умолял царя «ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение. Медлить невозможно, и необходимо это провести безотлагательно»⁴⁸. Разумеется, наштаверх имел в виду вовсе не Родзянко. Алексееву было прекрасно известно, насколько скептически Николай относился к председателю Думы⁴⁹. Телеграмма эта была послана в Псков, где остановился царский поезд в 15:55, и передана царю главнокомандующим Северным фронтом Н. В. Рузским сразу же по приезде. Читая эту телеграмму, трудно отрешиться от мысли, что она написана для того, чтобы вынудить императора подписать подготовленный манифест о верховном министре и министерстве доверия. Но еще раньше, до того как наштаверх обратился напрямую к царю, МГШ прислал Русину телеграмму без подписи. В ней говорилось: «Порядок постепенно восстанавливается. Необходимы, однако, решительные акты власти для удовлетворения требований общественного мнения, так как растет пропаганда социал-революционеров»⁵⁰. В 17:35 МГШ передал просьбу Капниста доложить Русину о том, что положение в столице в сравнении со вчерашним днем почти не изменилось. Порядок налаживается с большим трудом. «Есть опасность возможности раскола в самом Комитете Государственной Думы и выделения в особую группу крайних левых революционных партий и Совета Рабочих депутатов»⁵¹. Нетрудно заметить, что в своих обращениях к царю наштаверх чуть ли не дословно воспроизводил аргументацию, транслируемую по «морскому каналу» из Адмиралтейства.

Опасность, с которой Родзянко и возглавляемый им ВКГД оказался не в состоянии справиться, побудила Алексева решиться на новый шаг. В 22:20, когда Рузский обсуждал с царем вопрос о даровании министерства доверия, Алексеев направил Николаю новую телеграмму с настоятельным предложением немедленного введения ответственного министерства. «Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами». Телеграмма содержала проект манифеста, провозглашавшего введение «ответственного перед представителями народа министерства, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России»⁵².

Примечательно, что Алексеев постарался воспрепятствовать переходу фактической власти к Родзянко, который до сих пор добивался права быть поставленным царем во главе министерства доверия. Наштаверх же попытался противопоставить этому идею министерства ответственного в туманной формулировке «перед представителями народа». К двум часам ночи 2 марта Рузский вырвал согласие царя на этот вариант. Решающим же аргументом явились переданные МГШ сведения о том, что собственный конвой, охранявший императорскую семью в Царском Селе, перешел на сторону Думы⁵³.

Однако Родзянко, испытывавший сильное давление со стороны левой части ВКГД и Совета солдатских и рабочих депутатов, к соглашению с которым он был вынужден стремиться, чтобы сохранить власть в своих руках, потребовал отречения царя в пользу Алексея. От наштаверха утром 2 марта зависело ограничиться манифестом об ответственном министерстве, дальше которого не желал идти и Н. В. Рузский, или же добиваться отречения в пользу наследника при регентстве Михаила. Алексеев выбрал второй вариант, потому что он позволял не допустить перехода реальной власти в руки Родзянко и предоставлял шанс, заменив монарха на ребенка с регентом, в случае успокоения страны реализовать идеи манифеста, находившегося в портфеле Иванова.

Переход власти в руки председателя Думы, вставшей на революционный путь и не собирающейся на нем останавливаться, потому что на Родзянко оказывало сильнейшее давление левое крыло Временного комитета, опирающееся на Совет рабочих депутатов, Алексеев считал меньшим злом, нежели лишение власти Николая путем его отречения при условии сохранения монархии. Поэтому вместо того, чтобы опубликовать манифест об ответственном

министерстве, наштаверх стал решительно действовать в пользу отречения Николая. Хотя это было именно то, чего потребовал Родзянко от Рузского, Алексеев был готов немедленно добиваться отречения, чтобы Временный комитет не пошел гораздо дальше. Более всего он боялся того, что в столице маятник качнется влево, и тогда одним отречением уже не отделаться. Поэтому, склоняя Николая к отречению, он действовал во имя сохранения монархии и династии Романовых. Примечательно, что формула отречения от самодержавия, предложенная наштаверхом⁵⁴, не содержала признания Временного комитета Государственной Думы с Родзянко во главе и даже допускала лишение его той власти, которую он уже имел. Получивший от Николая самодержавную власть регент мог установить иные начала «единения с представителями народа в законодательных учреждениях». Хотя оно и определялось как «полное и нерушимое», но трактовки этого «единения» могли быть совершенно различными в силу абстрактности этой формулы. Она вовсе не исключала министерства доверия, которое содержал проект манифеста, найденный в бумагах Иванова. Более того, отречение по формуле наштаверха не исключало и введения поста верховного министра.

Но какие бы надежды на реализацию этого абдикационного манифеста не имел Алексеев, он смог убедиться, что они призрачны, еще до того, как проект отречения оказался в руках Николая. 2 марта в 18:02 Алексеев получил телеграмму Родзянко: «Временный Комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть ввиду того, что, под давлением войска и народа, старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Временным Комитетом Государственной Думы Временному Правительству, образованному под председательством» Г. Е. Львова. То есть председатель заявлял: то, что, наконец, решил дать нам царь, мы взяли сами. «Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения». Комитет Государственной Думы признал таким лицом генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова. Родзянко приказывал Алексееву снестись с Корниловым и откомандировать его в Петербург⁵⁵.

Примечательная особенность этой телеграммы заключалась в том, что она полностью игнорировала сам факт существования монарха. Родзянко провозглашал всевластие Временного Комитета и образованного им Временного правительства. Председатель оперировал такими понятиями, как «старая» и «новая» власть. «Старая власть» «совершенно устранена». «Новую власть» признала армия, в том числе и та ее часть, которая в данный момент находит-

ся под командованием наштаверха, все слои населения, а также пребывавшие в столице члены императорской фамилии. Фактически это означало низложение Николая. И доказательством того, что это уже произошло, явилось требование «новой власти» назначить Корнилова на пост, занимаемый в тот момент Н. И. Ивановым, снять которого никто не мог, кроме царя.

Это был сильный удар по далеко идущим планам Алексеева. Хотя наштаверх сделал всё, чтобы отречение в пользу Алексея состоялось⁵⁶, он не мог предвидеть того, что Николай отречется в пользу Михаила, а отказ брата царя принять престол обернется крушением монархии⁵⁷. Очень важную роль в этом процессе сыграл вице-адмирал Непенин, выпестовавший морские спецслужбы. Являясь правой рукой морского министра Григоровича, командующий флотом Балтийского моря сделал всё от него зависящее, чтобы побудить Николая пойти вначале на уступки, а потом и на отречение.

Непенин в своих телеграммах царю не только поддерживал идею правительственным актом поставить во главе страны лицо, пользующееся доверием населения, но и требовал от монарха сделать это немедленно, угрожая полной катастрофой. Никто из главкомов не говорил с царем таким тоном. 2 марта в 20:40 Непенин телеграфировал Николаю: «Если решение не будет принято в течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с бедствиями для нашей страны»⁵⁸. 3 марта в 0:35, когда текст отречения был уже подписан, Непенин телеграфировал Русину, Рузскому, Алексееву, а через них царю: «...нужны коренные и срочные уступки сверху». Удивительно ли, что именно командующий флотом Балтийского моря посредством помощника начальника МГШ А. П. Капниста передал юзограммой текст манифеста об отречении в Петроград, опубликованный на следующий день в новорожденных «Известиях»⁵⁹.

Итак, если учесть, что спецслужбы, поставлявшие в Ставку информацию, дезинформирующую наштаверха в интересах минмора, оказали существеннейшее влияние на ход революции, нетрудно заключить, какую же историческую роль они сыграли в самом начале процесса гибели Российской империи.

¹ См. подробно: Сафонов М. М. 1) Начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и крушение Российской империи // Война. Народ. Победа: Материалы Международной научно-практической конференции 28 апреля 2015 года. Ч. 2. СПб., 2015. С. 204–206; 2) Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и отречение Николая II // Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой победы: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 21–22 мая 2015. М., 2015. С. 365–385.

² Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах императорской армии: генерал Алексеев. СПб., 2000. С. 439–444.

³ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 130; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. М., 2006. С. 567.

⁴ Красный архив (далее КА). 1922. № 2 (21). С. 284.

⁵ Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 191.

- ⁶ Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 130.
- ⁷ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914–1917). Рязань, 2004. С. 327.
- ⁸ Архипов И. Поезд на конечном пути // Звезда. 2002. № 10. С. 182.
- ⁹ КА. 1927. № 2 (21). С. 25.
- ¹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917. М., 1927. Т. 5. С. 10.
- ¹¹ Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 107.
- ¹² Там же. С. 18, 72–73.
- ¹³ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 17, 18, 29.
- ¹⁴ КА. 1927. № 2 (21). С. 77–78.
- ¹⁵ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 133–134.
- ¹⁶ КА. 1927. № 3 (22). С. 67.
- ¹⁷ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 134, 145, 220.
- ¹⁸ КА. 1929. № 1 (32). С. 90.
- ¹⁹ КА. 1927. Т. 3 (22). С. 67.
- ²⁰ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2003. С. 81–82.
- ²¹ Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999. С. 91.
- ²² См. подробно: Куликов С. В. Совет министров и падение монархии // Первая мировая война и конец российской монархии: В 3 т. Февральская революция. СПб., 2014. С. 172–178.
- ²³ Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 657.
- ²⁴ Сидоров А. Л. Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 104; Куликов С. В. Ставка: 23 февраля — 1 марта // Первая мировая война и конец российской монархии. С. 356.
- ²⁵ См. подробно: Сафонов М. М. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и отречение Николая II // Война. Народ. Победа: Материалы Международной научно-практической конференции 28 апреля 2015 года. Ч. 2. СПб., 2015. С. 374–375.
- ²⁶ Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 106.
- ²⁷ Статья В. М. Борель и М. К. Борель в редакцию журнала «Первопоходник» // Четыре века Дома Романовых. М., 2013. С. 277.
- ²⁸ КА. 1927. № 2 (21). С. 18–19.
- ²⁹ Там же. С. 19.
- ³⁰ Там же. С. 20.
- ³¹ Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. СПб., 2014. С. 433.
- ³² Великие дни Российской революции. Февраль: 27 и 28-го. Март 1, 2, 3 и 4-го 1917. Пг., [1917]. С. 9–10.
- ³³ Там же. С. 12.
- ³⁴ Там же. С. 31.
- ³⁵ Там же. С. 35.
- ³⁶ КА. 1927. № 2 (21). С. 14–15.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. С. 433.
- ³⁹ Там же. С. 24.
- ⁴⁰ Там же. С. 29.
- ⁴¹ На телеграмме есть сделанная рукой пометка: «29 февраля» (КА. 1927. № 2 (21). С. 42). Очевидно, телеграмма отправлена либо 28 февраля, либо 1 марта 1917 г.
- ⁴² КА. 1927. № 2 (21). С. 43.
- ⁴³ Там же. С. 31.
- ⁴⁴ Там же. С. 35.

- ⁴⁵ Там же. С. 37.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же. С. 45.
⁴⁸ Там же. С. 39–40.
⁴⁹ Николай II в секретной переписке. С. 495.
⁵⁰ КА. 1927. № 2 (21). С. 42.
⁵¹ Там же. С. 43.
⁵² Там же. С. 53–54.
⁵³ Там же. С. 78.
⁵⁴ КА. 1927. № 3 (22). С. 7.
⁵⁵ Там же. С. 9.
⁵⁶ Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. Нестор. № 3. СПб., 2005. С. 239–264.
⁵⁷ Сафонов М. М. 1) «Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // Сборник научных статей XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 468–484; 2) «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата». Документальные свидетельства Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 8–34.
⁵⁸ Там же. С. 12.
⁵⁹ Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

References

- Arhipov I. Poezd na konechnom puti [Train in target path. In Russ.] // Zvezda. 2002. N 10. S. 180–191.
 Dudorov B. P. Admiral Nepenin. [Admiral Nepenin. In Russ.]. St Petersburg, 1993.
 Filosofov D. V. Dnevnik [Diary. In Russ.]. // Zvezda. 1992. N 1.
 Florinskij M. F. Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. [The Crisis of governance in Russia during the First world war. In Russ.]. Leningrad, 1988.
 Grigorovich I. K. Vospominaniya byvshego morskogo ministra. [Memories of the former Maritime Minister. In Russ.]. St Petersburg, 1993.
 Kamer-fur'erskij zhurnal. 1916–1917. St Petersburg, 2014.
 Kriger-Vojnovskij Eh. B. Zapiski inzhenera. Vospominaniya, vpechatleniya, mysli o revolyucii. Moscow, 1999.
 Kulikov S. V. Byurokraticheskaya ehлита Rossijskoj imperii nakanune padeniya starogo poryadka. (1914–1917). [Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order. (1914–1917). In Russ.]. Ryazan'. 2004.
 Kulikov S. V. Sovet ministrov i padenie monarhi [The Council of Ministers and the fall of the monarchy. In Russ.] // Pervaya mirovaya vojna i konec rossijskoj monarhii: V 3 t. T. 3. Fevral'skaya revolyuciya. St Petersburg, 2014. S. 165–185.
 Kulikov S. V. Stavka: 23 fevralya — 1 marta. [Rate: 23 February — 1 March. In Russ.] // Pervaya mirovaya vojna i konec rossijskoj monarhii. T. 3. S. 343–368.
 Nikolaev A. B. Revolyuciya i vlast': IV Gosudarstvennaya Duma 27 fevralya — 3 marta 1917 g. St Petersburg, 2003.
 Perepiska Nikolaya I Aleksandry Romanovyh, 1914–1917. Moscow, 1927. T. 5.
 Rodzyanko M. V. Krushenie imperii // Arhiv russkoj revolyucii. Berlin, 1926. T. 17. S. 5–169.
 Safonov M. M. “Manifest podpisan. Peredacha zaderzhana snyatiem dublikata”. Dokumental'nye svidetel'stva Pervoj mirovoj vojny // Vestnik arhivista. 2015. N 3. S. 8–34.
 Safonov M. M. “Stavka. Nachal'niku shtaba”. Vokrug otrecheniya Nikolaya II [“Rate. The chief of staff”. Around the abdication of Nicholas II. In Russ.] // Sbornik nauchnyh statej XX Carskosel'skoj konferencii. St Petersburg, 2014. S. 468–484.

Safonov M. M. Lozh' i pravda ob otrenchenii Nikolaya II [Lie and the truth about the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Mezhdru dvuh revolyucij*. Nestor. N 3. St Petersburg, 2005. S. 215–272.

Safonov M. M. Nachal'nik shtaba verhovnogo glavnokomanduyushchego M. V. Alekseev i krushenie Rossijskoj imperii [The Chief of staff of the Supreme commander of the M. V. Alekseev and the collapse of the Russian Empire. In Russ.] // *Vojna. Narod. Pobeda: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 28 aprelya 2015 goda*. Ch. 2. St Petersburg, 2015. S. 197–208.

Safonov M. M. Nachal'nik shtaba verhovnogo glavnokomanduyushchego M. V. Alekseev i otrenchenie Nikolaya II [The Chief of staff of the Supreme commander of the M. V. Alekseev and the abdication of Nicholas II In Russ.] // *Vojny i voennye konflikty v istorii Rossii: k 70-letiyu Velikoj pobedy: Materialy XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Moskva, RUDN, 21–22 maya 2015. Moscow, 2015. S. 365–385.

Sidorov A. L. Proval popytki Stavki podavit' Fevral'skuyu revolyuciyu 1917 g. v Petrograde [The Failure Rate of attempts to suppress the February revolution of 1917 in Petrograd. In Russ.] // *Voprosy arhivovedeniya*. 1962. N 1. S. 101–109.

Stat'ya V. M. Borel' i M. K. Borel' v redakciyu zhurnala "Pervopohodnik" // *Chetyre veka Doma Romanovyh*. M., 2013. S. 275–280.

Velikie dni Rossijskoj revolyucii. Fevral': 27 i 28-go. Mart 1, 2, 3 i 4-go 1917. [The great days of the Russian revolution. February 27 and 28th. March 1, 2, 3 and 4th. 1917. In Russ.]. Petrograd, [1917].

Voeykov V. N. S carem i bez carya. [A king and no king. In Russ.]. Moscow, 1995.

Список литературы

Архитов И. Поезд на конечном пути // *Звезда*. 2002. № 10. С. 180–191.

Великие дни Российской революции. Февраль: 27 и 28-го. Март 1, 2, 3 и 4-го 1917. Пг., [1917].

Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995.

Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.

Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993.

Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. СПб., 2014.

Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999.

Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914–1917). Рязань, 2004.

Куликов С. В. Совет министров и падение монархии // *Первая мировая война и конец российской монархии*. Т. 3. Февральская революция. СПб., 2014. С. 165–185.

Куликов С. В. Ставка: 23 февраля – 1 марта // *Первая мировая война и конец российской монархии*. Т. 3. С. 343–368.

Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2003. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917. М., 1927. Т. 5.

Родзянко М. В. Крушение империи // *Архив русской революции*. Берлин, 1926. Т. 17. С. 5–169.

Сафонов М. М. «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата». Документальные свидетельства Первой мировой войны // *Вестник архивиста*. 2015. № 3. С. 8–34.

Сафонов М. М. «Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // *Сборник научных статей XX Царскоевельской конференции*. СПб., 2014. С. 468–484.

Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // *Между двух революций*. Nestor. № 3. СПб., 2005. С. 215–272.

Сафонов М. М. Начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и крушение Российской империи // *Война. Народ. Победа: Материалы Международной научно-практической конференции 28 апреля 2015 года*. Ч. 2. СПб., 2015. С. 197–208.

Сафонов М. М. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и отречение Николая II // *Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой победы: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции*. Москва, РУДН, 21–22 мая 2015. М., 2015. С. 365–385.

Сидоров А. Л. Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // *Вопросы архивоведения*. 1962. № 1. С. 101–109.

Статья В. М. Борель и М. К. Борель в редакцию журнала «Первоходник» // Четыре века Дома Романовых. М., 2013. С. 275–280.

Философов Д. В. Дневник // Звезда. 1992. № 1.

Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.

М. М. Сафонов. Спецслужбы и отречение Николая II

Вопрос о том, какую роль сыграли спецслужбы в истории отречения последнего российского самодержца Николая II, даже не ставился исследователями. Между тем она была существенной. В первые дни Февральской революции за право возглавить страну при недееспособном монархе боролись не только председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, но и морской министр И. К. Григорович; сыгранная им роль была значительной. От историков совершенно ускользнули действия командования Балтийского флота в процессе отречения Николая II, особенно адмирала Непенина. Основным каналом связи Ставки в Могилёве стал морской генеральный штаб Морского министерства, сохранивший прямую телеграфную связь с морским штабом Ставки. Кроме того, Балтийский флот пользовался радиосвязью, а Морской штаб имел собственную радиостанцию. Возглавлял Морской штаб Ставки адмирал А. И. Русин, помощник Григоровича. Правой рукой Русина был помощник начальника Морского генерального штаба капитан 1-го ранга А. П. Капнист. Помогал Непенину начальник военно-морского управления при главнокомандующем Северного фронта, капитан 1-го ранга В. М. Альфатер. Морской генеральный штаб оказался единственным военным учреждением, сохранившим в последние дни февраля телеграфную связь. Он имел прямой провод со штабом флота Балтийского моря в Гельсингфорсе и со Ставкой в Могилёве. Морской генеральный штаб сумел организовать службу связи в Таврическом дворце. По этому каналу Алексеев получал львиную долю информации из Петрограда и стал ее заложником. Эта информация отвечала устремлениям Григоровича, во многом предопределила позицию Алексеева и послужила основанием всех его действий, которые в итоге привели к отречению Николая II.

Ключевые слова: спецслужбы, Балтийский флот, Морской главный штаб, Ставка, А. И. Непенин, И. К. Григорович, Николай II, отречение, М. В. Алексеев, М. В. Родзянко.

M. M. Safonov. Intelligence agencies and the abdication of Nicholas II

The question of the role played by intelligence agencies in the history of the abdication of the last Russian Tsar, Nicholas II, that is, the event itself marked the beginning of the death of monarchy in Russia, found no illumination neither in domestic nor in foreign literature. Even more, he was never raised by anyone of the researchers. Meanwhile, the security services, while remaining almost invisible to the eye research, has played very significant role in this process. In the first days of the February revolution for the right to lead the country with a dysfunctional monarch fought the Chairman of the State Duma M. V. Rodzyanko and chief of staff of the Supreme commander M. V. Alekseev. In this struggle there was another party, also claimed to be at the head of the Council of Ministers – the Minister of marine I. K. Grigorovich. Although the Admiral always remained in the shadows, but the role played by the minor historians of renunciation has not yet recognized was very significant. It may seem strange from the historians quite escaped the role of the Baltic fleet in the process of the abdication of Nicholas II. First of all, it was the commander of the fleet of the Baltic sea, Vice Admiral A. I. Nepenin. One of the first among the chief commanders and fleet commanders March 2 at 10 h 30 m Nepenin recognized the provisional Committee of the State Duma. The commander acted in accordance with the plans Minister of marine. Nepenin even tried to stimulate support for the new government, in detail informing the Baltic fleet on its first steps and giving them a positive rating. The primary channel of communication Rate in Mogilev became a naval General staff and the Naval Ministry, to preserve a direct telegraphic communication with naval headquarters of the Supreme commander. In addition, the Baltic fleet enjoyed the radio and the Marine headquarters had its own radio station. Admiral A. I. Rusin, assistant Grigorovich, was head of the Naval staff. At the same time, Rusin was the chief of the Naval General staff. Right hand of Rusin was assistant chief of the Naval General staff and the officer for orders if the chief of the Naval staff captain

A. P. Kapnist. Helped Nepenin and the chief of naval administration under the commander-in-chief of the Northern front, captain V. M. Alfater. The naval General staff was the only military institution, retaining the last days of February Telegraph. The Naval General staff had a radio station, which was in Reval, Helsingfors, Kronstadt. The naval General staff was able to organize the communication service in the Tauride Palace. On this channel, Alekseev received the lion's share of information from Petrograd and became its hostage.

Key words: M. V. Rodzyanko, M. V. Alekseev, I. K. Grigorovich, Baltic Fleet, abdication of Nicholas II.

Сафонов, Михаил Михайлович — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Safonov, Mikhail Mikhailovitch — Ph. D., senior recherch  of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences

E-mail: m.safonov@list.ru